

К ИЗУЧЕНИЮ ГРАМОТЫ ВСЕВОЛОДА МСТИСЛАВИЧА НА ТЕРПУЖСКИЙ ПОГОСТ ЛЯХОВИЧИ

Грамота Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи постоянно привлекала внимание исследователей общественного строя Древней Руси. Долгое время они интерпретировали содержание грамоты вне ее реальной локализации (локализация Ляховичей А. Л. Шапиро оказалась ошибочной¹). Только после установления В. Л. Яниным местоположения погоста стали возможны раскрытие указанных в грамоте географическо-топонимических реалий и на основе этого конкретизация указанного в ней земельного вклада Всеволода Мстиславича в Юрьев монастырь² (В. Л. Янин датировал грамоту 1134 г.³). Продолжая этот метод путем уточнения конкретного содержания топонимов, соотнося земельные владения с рельефом местности, Е. Н. Носов пришел к выводу, согласно которому княжеский вклад в монастырь состоял из погоста Ляховичи, обширной поймы р. Ловати с заливными лугами и лесов с охотничьими и бортными угодьями. Поэтому он соглашается с мнением А. Л. Шапиро о том, что Ляховичи представляли собой небольшое владение, где жили холопы и содержались кони. Отсюда исследователь допускает, что основное содержание грамоты заключается в передаче монастырю права контроля над сухопутной дорогой и получении от этого доходов с правом последующего земледельческого освоения волости.

Географическо-топонимические наблюдения Е. Н. Носова в большой мере доказательны и важны. Однако возможно и другое определение северной границы погоста Ляховичи, а потому иное раскрытие реального содержания грамоты.

Считая доказанными локализацию поселения Ляховичи, содержание «водоса» как «речной поймы», «Межьника» как реки или ручья, видимо Кокоринки (впрочем, возможно, и р. Ро-

¹ Шапиро А. Л. Складывание крупного вотчинного землевладения // Аграрная история Северо-Запада России : Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971. С. 67.

² Янин В. Л. Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 23—31.

³ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 77.

бья Сорокопенская), полагаем, что другие пограничные ориентиры между Ляховичами и «Межьником» допускают отличное от вышеназванного толкования. Определяющим в нем являются указанные в грамоте переданные Юрьеву монастырю «ловища на Ловати» и сразу за ними межи «по Ловати на низ» (как обоснованно считает Е. Н. Носов, «вниз по Ловати»). Если понимать указание границы княжеского земельного вклада, «по Ловати на низ по конец водоса», уводя эту границу вглубь междуречья (см. рис. 1 к статье Е. Н. Носова), то окажется, что монастырские ловища находились на крайне ограниченном участке Ловати, а смысловая связь единой фразы, указывающей расстояние вниз по течению, изменяется.

Такие затруднения в понимании грамоты устранятся, если исходить из ее прочтения при буквальном понимании указания ориентиров «по Ловати на низ». Первый из них — «по конец водоса», т. е. до конца речной поймы, которая тянулась вдоль Ловати до современной д. Лука, представлявшей собой в XI—XII вв. поселение, судя по находящимся там курганам. Следующий ориентир — «река Любытина» также находилась «по Ловати на низ». При таком понимании этот ориентир представлял собой не безымянный ручей — по мнению Е. Н. Носова, приток р. Робыи Великосельской, а р. Робью Заробскую при ее впадении в Ловать, где находятся современные деревни Заробье и Кулаково, а в XI—XII вв. также находились небольшие поселения (или поселение), судя по сохранившейся курганной группе. Ниже по Ловати также находилось в XI—XII вв. поселение (современная д. Коровитчино). Третий ориентир «по Ловати на низ» — это «большие мхи», т. е., вероятно, низовья р. Робыи Сорокопенской (возможно, в первой трети XII в. она называлась Межьник). На карте, составленной в 1966 г. и обновленной в 1979 г., заболоченные места обозначены по левому берегу р. Робьей в ее нижнем течении при впадении в Ловать, а также по левобережью выше по ее течению. Видимо, эти заболоченные места и представляли собой «большие мхи».

Если такое понимание географических ориентиров грамоты верно, то последующее содержание северной и северо-восточной границы очевидно. «С больших мхов на верх Межьника» — это указания по Робье Сорокопенской от устья до ее верхнего течения или до верховьев р. Кокоринки. Эта река являлась естественным северным и северо-восточным рубежом погоста Ляховичи как административно-территориальной единицы. И поэтому, естественно, «Межьник» — географическое название (позднее, видимо, замененное на «Робья») или гра-

ница (в этом случае «межьник» — со строчной буквы). Границы средней и южной части погоста убедительно установлены В. Л. Яниным и Е. Н. Носовым.

При таком раскрытии географическо-топонимических ориентиров грамоты более предпочтительным является определение границ северной части погоста Ляховичи В. Л. Яниным. Исчезают противоречия, возникающие между содержанием грамоты и ее интерпретацией вследствие характеристики погоста Ляховичи как небольшого селения холопов, которые пасли княжеских коней, но земледелием не занимались, поскольку не было пахотных земель. Такая интерпретация погоста — сельского административно-территориального центра в виде княжеского двора или поселения — лишает его населения сельской округи. Но это противоречит свидетельствам источников о погостной системе как государственной организации лично свободного сельского населения в новгородской земле, начиная с ее установления при княгине Ольге на Руси середины X в. («Иде Вольга Новгороду и устави по Мьсте повосты и дани, и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и места и повосты»⁴) до самостоятельного княжества Новгородского (см. традиционную клаузулу новгородско-княжеских договорных грамот XIII—XIV вв.: «кто купецъ, тотъ въ сто; ак то смердъ, а тот потягнетъ въ свой погостъ»⁵). Анализ источников и литературы подтверждает, по нашему мнению, обоснованность точки зрения Б. Д. Грекова, В. В. Мавродина, И. И. Смирнова и других исследователей о социально-экономическом и юридическом статусе смердов как лично свободных и феодально зависимых людей.⁶ В пользу того, что князь «дал» монастырю лично свободное сельское население, свидетельствует запись грамоты о передаче погоста Ляховичи с землею и с «людьми». Еще в праславянской лексике понятие 'люди' содержало значение 'свободные' (с таким содержанием слово широко распространено в славянских языках, впрочем, возможно, при генетической связи с группой слов, по мнению О. Н. Трубачева, со значением 'прекращать', 'развязывать', 'освобождать').⁷ Оно сохранилось и в древнерусском языке при обобщающем названии различных категорий свободного населения, богатых и бедных,

⁴ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 60.

⁵ ГВНиП. С. 13 и след.

⁶ См.: Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества Древней Руси. Л., 1983. С. 135—149.

⁷ Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1988. Вып. 16. С. 194—200.

знатных и простых. Словом «люди» названы в ст. 19 Краткой редакции Русской Правды члены сельской общины — верви (ср. ст. 3 Пространной редакции Русской Правды, далее — ПП). За убийство «людина» платили 40 гривен, полную виру за свободного человека (ст. 3 ПП). Отсюда следует, что население Ляховичей являлось не холопами, а свободным сельским населением. О том же свидетельствует название погоста с патронимическим окончанием *ичи*, на что обоснованно обратил внимание Е. Н. Носов. Т. е. население погоста происходило или состояло из группы родственников.

Экономическое положение «людей» погоста раскрывается указанием грамоты на передачу Ляховичей «с землею», причем «земля» названа на первом месте, а «люди» на втором. «Земля» отделена в грамоте от «леса». Аналогично в данной грамоте Варлаама Спасо-Хутынскому монастырю (около 1192 г.) «земля» отделена от «огорода» и «пожни» — от покосной земли.⁸ Следовательно, понятие «земля» означало в грамоте Всеволода Мстиславича пахотную землю. Значит, в погосте Ляховичи существовал фонд пахотных земель. Он принадлежал свободному населению самого погоста, а также поселений в районе современных деревень Лука, Заробья, Кулаково и Коровитчино. Это же население обеспечивало использование ловищ на Ловати. Социально-экономический статус «людей», лично свободного сельского населения, замкнутого на погост, свидетельствует о том, что это были свободные смерды, которых князь в составе погоста передал Юрьеву монастырю. Таким образом, содержание грамоты, указывающей на передачу князем монастырю «земли» и «людей», подтверждает прочтение ее записи о границе по Ловати от Ляховичей до впадения в нее Робы Сорокопенской. И, напротив, только эта граница обеспечивала указание в грамоте «земли» и «людей».

Перечисление в грамоте вслед за «людьми» «коней» являлось для некоторых исследователей аргументом в пользу того, что в Ляховичах находилось княжеское коневодческое хозяйство, которое обслуживалось холопами-«людьми», при этом

---

⁸ ГВНиП. С. 161; мнение о подлинности этой грамоты представляется убедительным: Андреев В. Ф. О подлинности данной Варлаама Хутынско-го // Проблемы отечественной истории. М.; Л., 1976. Ч. 2. Впрочем, вопрос о подлинности грамоты в данном случае вторичен, поскольку речь здесь идет о традиционной сельскохозяйственной терминологии; ср. достоверный текст середины XII в. Климента Смолятича, который осуждал «сущих славы хотящих, иже прилагают домъ к дому, и села к селомъ <...> и борти, и пожни, и ляда же, и старины» (Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитору Фоме / Сообщ. Х. Лопарева. СПб., 1892. С. 14).

упускалось из виду, что на первом месте в грамоте указана «земля» (пахотная земля), а понятие «люди» использовалось для обозначения лично свободного населения. Между тем, если учесть, что в грамоте передавался Юрьеву монастырю единый социально-экономический комплекс: земля, люди и лишь на третьем месте кони, — то следует сделать вывод, согласно которому князь «дал» монастырю соседскую общину, населенную смердами. По словам Владимира Мономаха, деда Всеволода Мстиславича, на Долобском съезде в 1103 г. смерд владел землей, был землепашцем и у него была лошадь, которая на время похода реквизировалась. Так что, когда съезд решал, отправляться в поход на половцев или нет, Владимир Мономах упрекал противников похода: «Дивно ми, дружино, оже лошади жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердь, и прихавъ половчинъ ударить ѿ стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехавъ иметь жену его и дети его, и все его именье? То лошади жаль, а самого не жал ли?»⁹

Такое экономическое положение смердов объясняет реальное содержание княжеского вклада в Юрьев монастырь: давалась пахотная земля вниз по течению Ловати от Ляховичей, «люди» — лично свободные землевладельцы — смерды, жители погоста, и основной вид тяглого скота — кони (в лесной зоне пахали на лошадях). Видимо, эти же «люди» ловили рыбу на тонях Ловати, так что в составе монастырского хозяйства это занятие становилось повинностью. Наряду с ловищами лес и борти, указанные в грамоте, представляли собой, вероятно, общинную альменду.

Аналогичные земельные вклады совершались в это же время и в западнославянских землях. Чешский князь Конрад дал монастырю св. Иоанна Крестителя в Острове селение Кравско, «где имеется земли более сорока плугов, и, кроме того, добавил лес».¹⁰ В Польше XII в. села передавались с обобщенным указанием альменды: «со всеми своими добавлениями (*cum omnibus suis appendenciis*)» или «со своей округой и со всем сюда относящимся» (*cum circuitionibus suis et omnibus attinentiis*).¹¹ Число таких примеров можно увеличить. Они свидетельствуют о том, что близкий уровень феодальных об-

⁹ПСРЛ. Т. 1. Стб. 277.

¹⁰*Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae* (Ed. G. Friedrich. Praque, 1904. P. 104.

¹¹ *Kodex dyplomatyczny Malopolski* / Wyd. F. Piekosinski, W. Krakowie, 1886. Т. 2. Р. 4; *Kodex dyplomatyczny Wielkopolski*. Poznan, 1877. P. 29.

щественных отношений в XII в. способствовал появлению аналогичных по содержанию княжеских данных или вкладных грамот.

Княжеский земельный вклад в Юрьев монастырь предполагал и его дальнейшее земледельческое освоение (мнение Е. Н. Носова о «последующем земледельческом освоении» исходит из мысли о первоначальном отсутствии земледелия в погосте Ляховичи), что и произошло, судя по значительному числу монастырских сел в этой волостке в конце XV в.¹² Обоснованно отмеченное Е. Н. Носовым расположение погоста на торговом пути лишь способствовало увеличению экономического значения этой волостки для монастырского хозяйства.

---

¹² Янин В. Л. Грамота Всеволода Мстиславича.. С. 29—30.